63.3(2Р-4Кам4)
К63

Б. Н. Комиссаров

Роль Г. И. Лангсдорфа в становлении Петропавловска как столицы Камчатки

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ 1740 • 2000 260 ЛЕТ

01102179

63.3(2р-4Кам)
К63

Администрация Камчатской области
Управление культуры
Камчатская областная научная библиотека
им. С. П. Крашенинникова

Б. Н. Комиссаров

РОЛЬ Г. И. ЛАНГСДОРФА В СТАНОВЛЕНИИ ПЕТРОПАВЛОВСКА КАК СТОЛИЦЫ КАМЧАТКИ

Петропавловск-Камчатский
Информационно-издательский отдел
Камчатской областной научной бибиотеки
2000

Камчатская
областная
библ.
01102179

ББК 63.3
К63

Б. Н. Комиссаров.

Роль Г. И. Лангсдорфа в становлении Петропавловска как столицы Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, информационно-издательский отдел Камчатской областной научной библиотеки, 2000. 72 с.

Вниманию читателей предлагается статья доктора исторических наук Бориса Николаевича Комиссарова, профессора Санкт-Петербургского университета, открывшего для широкого круга читателей имя Лангсдорфа Г.И., в которой показана роль Лангсдорфа в становлении Петропавловска как столицы Камчатки. Вторая статья написана тремя авторами о Левенштерне Е.Е., участнике, как и Лангсдорф, первой русской кругосветной экспедиции.

© Б. И. Комиссаров.
© Камчатская областная научная библиотека.
© Управление культуры Камчатской областной администрации
2000

ISBN X-5-88736-005-4

Борис Николаевич Комиссаров, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории нового времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, вице-президент Португало-бразильского центра СПбГУ, председатель Отделения истории географических знаний Русского географического общества. Автор более 150 научных работ на русском и ряде европейских языков, в том числе книг «Григорий Иванович Лангсдорф. 1774-1852», «Первая русская экспедиция в Бразилию», «Петербург - Рио-де-Жанейро. Становление отношений. 1808-1828», «Три века колониальной Америки» (в соавторстве) и других, исследований о мореплавателях и путешественниках Е. Е. Левенштерне, Ф. П. Литке, Ф. Ф. Матюшкине, Н. Г. Рубцове, Э. П. Менетрие, Э. Флорансе, Л. Риделе, И. Наттерере, Н. Н. Миклухо-Маклае, Г. Г. Манизере, об изучении Бразилии, российского Дальнего Востока, Океании. В последние десять лет прошел маршрутами бразильской экспедиции Лангсдорфа 1822-1829 гг. Издал в Бразилии многотомное собрание рисунков художников этой экспедиции и полевых дневников Лангсдорфа. Президент Международной ассоциации по изучению Лангсдорфа, действительный член Академии наук Нью-Йорка, почетный член Конференции по Латинской Америке Американ-

ской исторической ассоциации, член-корреспондент Бразильского Института истории и географии (Рио-де-Жанейро), Института истории Петрополиса (штат Рио-де-Жанейро), Института культуры Фридерика Гильерме де Албукерки (Нитерой, штат Рио-де-Жанейро), Центра исторических исследований в г. Санта-Крус (штат Рио-де-Жанейро) и других научных объединений.

Б.Н. Комиссаров

Роль Г. И. Лангсдорфа в становлении Петропавловска как столицы Камчатки

3(15) июля 1804 г. И. Ф. Крузенштерн привел «Надежду» в Петропавловск. Позади были Копенгаген, Фалмут, Санта-Круз-де-Тенерифе (на Канарских островах), Носса-Сеньора-ду-Дестерру (ныне Флорианополис) на бразильском острове Санта-Катарина, остров Нукухива (Маркизские острова), было полукругосветное плавание, продолжавшееся без малого год, разнообразные научные наблюдения и сбор коллекций, изнурительные штормы, а также ожесточенные споры между главой русского посольства в Японию камергером Н. П. Резановым и И. Ф. Крузенштерном за право общего руководства экспедицией, разделившие мореплавателей на два лагеря, а впереди — радость встречи с отечеством (ведь корабль из Кронштадта прибыл на Камчатку впервые!) и тревожное ожидание: камергер отправил местному коменданту генерал-майору П. И. Кошелеву в тогдашнюю столицу полуострова Нижнекамчатск сообщение о вспыхнувшем на «Надежде» бунте [1]. Представитель власти мог прибыть, однако, лишь через месяц, поскольку путь предстоял неблизкий, более чем в 700 км. А пока разгружали привезенные товары, запасали продовольствие для дальнейшего плавания, «Надежду» конопатили, приводили

в исправность ее обшивку, такелаж, взамен порванных шили новые паруса и, конечно, с интересом знакомились с Камчаткой.

Отзывы о ней сохранились разные. «Камчатка меня очаровала, и я в ней нахожу более приятной натуры, чем в Бразилии», — писал в одной из путевых тетрадей лейтенант Макар Ратманов [2]. В другой из них со свойственной ему решительностью резюмировал: «Кажется, что все в природе существующее призывает сюда человека населить толико изобильную отдаленную часть сию Российской империи, которая в жителях великий недостаток имеет. Может быть назовут меня рыцарем Ламанским, другие – ближе, дураком, но я все скажу, что чувствует душа и сердце. Кто был в Камчатке и описал ее противным, а особливо в недостатке природою данных, тех можно исключить из сынов отечества и по справедливости назвать невеждами» [3]. В письме друзьям лейтенанта Федора Ромберга, ранее немало читавшего о полуострове, напротив, звучат печальные ноты: «Камчатка уже совсем не то, как описывает ее С. П. Крашенинников, даже очень много перемен, как описывает ее Сарычев. Например, Большерецк, где удивлялись они, услыша Апполона, играющего a la Грек, теперь, напротив, сие место не удивляет, а наводит грусть от безлюдства [4]. Паратунка, в которой жило множество камчадалов, которую посещали путешественники – теперь же в рост человека дикая трава и величайшие медведи, и много подобных сему месту, где умирали, можно сказать, добрые камчадалы

селениями» [5]. Ромбергу вторил в своем дневнике лейтенант Ермолай Левенштерн: «Бедность в высшей степени. В Петропавловской гавани живут только русские (военные)... Мясной пищи они совсем не видят. Рыбная ловля должна возместить все недостатки... Камчатка во время последней ревизии была еще достаточно населенной. Но оспа и горячка унесли людей в таком количестве, что там, где обычно жило 100 человек, сейчас едва можно найти 5... Большерецк состоит сейчас только из нескольких хижин. Паратунка — пустыня и местопребывание диких животных, в Аваче есть только пара хижин» [6].

Крузенштерн в известном описании своего плавания высоко оценил природу Камчатки и в этом отношении не дал Ратманову повода для возмущения. Однако капитану «Надежды» бросилось в глаза вопиющее противоречие между богатейшими возможностями края и крайне убогой хозяйственной деятельностью русского населения, а состояние самого Петропавловска его просто удручило: «Берега Петропавловска покрыты разбросанною вонючею рыбою, над которой голодные собаки грызутся за сгнивающие остатки, что представляет вид крайне отвратительный, — отмечал мореплаватель. — По выходе на берег тщетно будет искать сделанной дороги или даже какой-либо удобной стези, ведущей к городу, в коем не находит глаз ни одного хорошо построенного лома. Оный состоит из бедных, по большей части разрушающихся хижин, из сушилен для рыбы (балаганами там называемых) и из

юрт, в которых от нечистоты и сырости воздуха люди, так сказать, гниют. Около него нет ни одной зеленеющейся хорошей равнины, ни одного садика и ни одного порядочного огорода, кои показывали бы следы землевозделывания. Мы видели только около 10 коров, пасущихся между домиками. Вместо мостов через источники, текущие с ближайших гор в долину города, покладены одни брусья, по которым переходить должно с осторожностью. Множество ям, вырытых собаками для своего ночлега и от скрытия себя от комаров, делают ходьбу в темноте совсем невозможною, или по крайней мере весьма опасною. Вот первые предметы, представляющиеся зрению в Петропавловске. Большую часть жителей сего города составляют солдаты, которых днем дома не бывает; а потому, ходя несколько часов по Петропавловску, нельзя увидеть ни одного человека. Но если и покажется кто из оных, то в бледном, истощенном лице его нельзя признать собрата героев Римника и Треби» [7].

Камчатка не оставила равнодушным и натуралиста с «Надежды» Георга Генриха фон Лангсдорфа [8]. Однако его положение на судне и отношение к виденному определялись обстоятельствами особого рода. В то время, как все волновались из-за исхода разбирательства корабельного конфликта с участием Кошелева и были, по мнению Крузенштерна, «в совершенной безвестности о продолжении нашего путешествия», а Левенштерна — в «неприятном состоянии неизвестно-

сти» [9], что не могло не влиять на их камчатские наблюдения, Лангслорфа в Петропавловске ничего не отвлекало. Ученый занимал среди споривших нейтральную позицию, поскольку своим участием в плавании был обязан и Крузенштерну, и Резанову. Догнав «Надежду» уже в Копенгагене, когда экспедиция, естественно, была полностью укомплектована, 29-летний врач, выпускник Геттингенского университета и к тому времени член-корреспондент Петербургской Академии наук упрашивал и капитана, и камергера взять его с собой на любых условиях, включая полную материальную компенсацию своего участия в плавании. Согласие принять на «Надежду» Лангсдорфа в качестве ихтиолога и минералога явилось едва ли ни единственным их согласованным решением. Упорство нашего врача родом из курфюршества Майнц можно понять, как несложно уяснить, почему многие тысячи способных и деятельных немцев покидали мелкие и мельчайшие германские государства с их сонным социальным бытом в поисках возможности применить свои знания и энергию, заняться достойным их делом. После окончания в 1797 г. университета Лангсдорф пять лет практиковал в Португалии сначала в качестве лейб-медика командующего португальской армией Христиана Августа фон Вальдека, а затем практикующего врача. Свой досуг он отдавал занятиям естествознанием. Возвратившись на родину, Лангсдорф остался не у дел и известие о первом русском кругосветном плавании воспринял как сча-

стливый случай удовлетворить свою страсть к путешествиям и исследованиям.

Прибыв на Камчатку, ученый впервые оказался на земле России и вскоре получил основание связывать с ней не только свое участие в плавании, но всю дальнейшую жизнь: Резанов включил его в состав посольства в Японию и произвел в надворные советники (что позднее было подтверждено официально). Это сообщало камчатским наблюдениям Лангсдорфа деятельный, заинтересованный характер. Новый российский подданный хотел служить великой империи, жаждал отличиться, а изучение огромного, богатейшего и еще малоизвестного в социальном и природном отношении края давало для этого большие возможности.

Между тем следует учитывать не только изменившийся на Камчатке статус Лангсдорфа, но и влияние на естествоиспытателя научной школы, к которой он принадлежал. Лангсдорф был любимым учеником крупнейшего антрополога и родоначальника теоретического страноведения геттингенского профессора Иоганна Блуменбаха. Его яркие, впечатляющие лекции учили исследовать природу и человека в их неразрывном единстве и взаимодействии, пробуждали мысль, жажду открытий. Он требовал от своих воспитанников не только тщательного изучения флоры и фауны, языка, культуры, нравов и обычаев исследуемой ими страны, но и умения смотреть на окружающее глазами ее населения, жить его заботами, понимать его каждод-

невные трудности. Среди учеников Блуменбаха был А. Гумбольдт, представителями его школы явились исследователи Африки Ф. Хорнеманн, У. Зетцен, Г. Рентген, М.-Г. Лихтенштейн, И. Буркхардт, много путешествовавший по Северной и Южной Америке Максимилиан цу Вид-Нейвид, Ф. Линк, изучавший Пиренейский полуостров, А. Грисбах, А. фон Гакстгаузен, известный своими трудами о России, и многие другие.

Неслучайно поэтому, что в уже первых камчатских рукописях Лангсдорфа превалировали не восхищение, печаль, удрученность и другие эмоции, а стремление изменить ситуацию к лучшему и конкретные предложения в связи с этим. «С отменным удовольствием устремил я в сие время первые мои взоры на сельские страны Камчатки..., — сообщал Лангсдорф российскому академику Л. Ю. Крафту в письме, отрывок из которого был вскоре опубликован в переводе с немецкого. – Первая потребность для сей страны состоит в том, чтобы более заселить оную и иметь добрых землепашцев, ремесленников и промышленников. Здесь вовсе не достает тех познаний, которые в просвещенном государстве служат к удовлетворению первых необходимостей; как например, весьма бы нужно завести здесь гончарную работу, кирпичные заводы, варение мыла и соли и иметь искусных людей в ловлении китов, в соленении и сушении рыб и пр.; так же весьма полезно бы устроить мельницы, обсушить болотистые места и прочее. По изобилию различных предметов, здесь найден-

ных, делаю уже я вообще заключение, что земля сия способна к большему усовершенствованию и заслуживает особенное внимание»[10]. В письме Блуменбаху от 23 августа Лангсдорф описывал физико-географические особенности Камчатки и подробно развивал мысль о том, что полуостров следует снабжать всем необходимым, наладив торговлю с Японией и Китаем, а не везти товары из Европейской России через Сибирь[11]. Снабжение и развитие Камчатки с помощью морской внешней торговли сами по себе предусматривали придание главному порту полуострова Петропавловску положения первостепенного центра, хотя о нем как о столице края Лангсдорф тогда еще не упоминал.

К середине августа П. И. Кошелев, наконец, добрался до Петропавловска и через несколько дней сумел притушить конфликт, не обострив отношений ни с Крузенштерном, ни с Резановым. Последний даже включил в состав своего посольства брата коменданта поручика Д. И. Кошелева. 27 августа (9 сентября) «Надежда» ушла в Японию.

Второй раз Лангсдорф прибыл на Камчатку после возвращения из Нагасаки 23 мая (5 июня) 1805 г. Посольство, как известно, ничего не добилось, и Резанов решил отправиться в Русскую Америку на бриге «Мария». Он предложил ученому сопровождать его. В то время Лангсдорф уже в гораздо большей степени тяготел к Крузенштерну, чем к камергеру, но перспектива исследований в Северной Америке взяла

верх. Уже 2(14) июня «Мария» покинула Петропавловск.

Последний раз Лангсдорфа доставил в Петропавловск 13(25) сентября 1806 г. американский капитан Д. Вольф на судне Российско-американской компании «Ростислав». Ученый зимовал там и отправился с Вольфом в Охотск 14(26) мая 1807 г. Во время этого последнего посещения он исследовал Камчатку весьма разносторонне и не только как ботаник и зоолог, этнограф и статистик, но обращал также пристальное внимание на местные проблемы, нужды и горести русского и коренного населения, причем проявил себя не единственно наблюдателем блюменбаховской закалки, но и гуманистом, принимавшим виденное близко к сердцу. Лангсдорф проехал по Камчатке сотни километров, нередко сам управляя собачьей упряжкой, побывал в Нижнекамчатске, во многих населенных пунктах между ним и Петропавловском, в ближних и дальних окрестностях последнего. В пути он вел дневник, отмечая расстояния между селениями, численность их жителей, описывая занятия последних, указывая местонахождение церквей, школ, больниц и т.д. Ученый в еще большей степени, чем Крузенштерн был потрясен контрастом между богатством природы полуострова и чудовищной бедностью его жителей, в особенности камчадалов, влачивших нищенское существование. Он подметил массу несообразностей и нелепостей в организации экономической жизни региона и действиях местной администрации.

В Петропавловске Лангсдорф решил, что отправится через Сибирь в Петербург. Наблюдения, размышления, расчеты, выводы путешественника, касающиеся Камчатки, должны были открыть для него там двери высоких кабинетов. Но к кому он мог обратиться за помощью, находясь в российской столице? Конечно, к Крузенштерну, который ему симпатизировал, однако, капитан-лейтенант после возвращения из плавания скорее сам будет ждать поддержки от властей. К Резанову? Вряд ли. Их отношения после пребывания в Японии и особенно странствий по Северной Америке были более, чем холодными, и Лангсдорф в свое время стремился как можно скорей покинуть Новоархангельск на острове Ситка, где они и расстались. Ученый тогда не знал, что больше им встретиться не суждено: 14 марта 1807 г., следуя в Петербург, Резанов после непродолжительной болезни скончался в Красноярске.

Одна рекомендация у Лангсдорфа все же была. Его дядя со стороны матери доктор Кох еще в 80-90-х годах XVIII в. свел знакомство с российским дипломатом графом Николаем Румянцевым. Последний был «уполномоченным министром при курфюрстском округе Нижнего Рейна и при многих других владетельных принцах ближайших округов» с местопребыванием во Франкфурте-на-Майне [12], а после казни Людовика XVI и признания Екатериной II герцога Прованского (будущего Людовика XVIII) регентом Франции являлся также представителем и при его особе в Кобленце.

Со вступлением на престол Александра I сорокапятилетний граф начал быстро продвигаться по службе. В 1802 г. он стал министром коммерции. Из Петропавловска Лангсдорф, сославшись на доктора Коха, вступил с Румянцевым в переписку. Ученый не предполагал тогда, какую важную роль сыграет это в его дальнейшей судьбе.

Румянцев живо интересовался делами Российско-американской компании, вложил немало сил в подготовку первого русского кругосветного плавания и следил за его ходом. Поклонник идей Адама Смита, утверждавшего, что труд — основа всякого богатства, цена товара зависит от спроса и предложения, торговля должна быть свободной от каких-либо стеснений, а конкуренция — принципиальное условие рационального хозяйствования, министр пробовал применить некоторые из них в феодальной России. Он ратовал за развитие национальной промышленности, рост товарности сельскохозяйственного производства, стимулирование внутреннего судоходства, освоение северных и восточных окраин страны, установление политико-экономических контактов с Соединенными Штатами Америки, поощрение торговли с Востоком. Вместе с тем, видя слабость финансово-экономических позиций России, он, следуя духу меркантилизма, стремился оградить отечественных производителей от соперничества иностранцев, ограничить импорт продуктов земледелия, главным образом зерна, больше продавать, чем покупать, больше вывозить, чем ввозить. Кроме всего

прочего Румянцев обладал еще одним качеством. Он испытывал большой интерес к людям, вглядывался в них с любознательностью и вниманием, умел объективно оценить их личные и деловые качества.

Лангсдорф был как раз одним из тех людей, которые привлекали Румянцева. 25 июня 1807 г. путешественник вышел с очередным караваном из Охотска в Якутск, а к 18 августу, претерпев многие трудности, добрался до Иркутска. После поездки в Кяхту, в середине сентября Лангсдорф занялся составлением записки о Камчатке. Писал он по-немецки. 25 октября рукопись под заголовком «Darstellung der politischen Lage von Kamtschatka und Vorschlag zur Verbesserung des zerrut teten Zustandes dieser Halbinsel» («Изъяснение политического положения Камчатки и предложение для улучшения расстроенного состояния этого полуострова») была отослана Румянцеву, который к тому времени был назначен также управляющим министерством иностранных дел [13]. Ученый просил представить свой труд императору.

Записка подкупала искренностью и гуманизмом автора, его глубоким знанием проблем края, обоснованностью предложений, сделанных, благодаря точным расчетам. Главная мысль Лангсдорфа сводилась к необходимости вывода с Камчатки батальона солдат, содержание которого в тех местах было, по его мнению, неоправданным, крайне обременительным для казны и причиняло большой вред местному населению. Со-

гласно Лангсдорфу, на полуострове должны были остаться лишь те солдаты, которые, женившись на камчадалах, станут заниматься крестьянским трудом или возьмут на себя «казачью службу, такую полезную и нужную по всей Сибири» [14]. Камчатке, считал автор записки, нужны не военные (нападения на ее пустынную территорию маловероятны, а в случае чего и казаки сумеют защитить эту землю), а те, кто сможет способствовать прогрессу края. «К таким желательным и, да будет мне позволено сказать, чрезвычайно нужным на Камчатке людям, — писал Лангсдорф, развивая свои мысли, высказанные в 1804 г. в письме Крафту, — я отношу: человека, который с научной точки зрения изучает сельское хозяйство и сделал это своим основным занятием; человека, который обладал бы хорошим знанием солеварного производства и того, что для этого производства требуется...; искусного гончара, который... был бы в состоянии мелкую белую глинистую землю превратить в фаянс; врача и хирурга, известного своим человеколюбием, чье усердие, знания и характер были бы общепризнанны; аптекаря, который обладает хорошими знаниями в ботанике и химии...; несколько умелых плотников и столяров, кузнецов и слесарей, одного или нескольких бондарей; человека, который был бы вполне сведущ в сооружении пильной мельницы...; человека, который понимает в строительстве небольших судов, управляемых веслами и парусами, и тем самым облегчит казакам и камчадалам их торговлю и сообщение по воде...» [15].

01102179

При рациональной организации социальной и экономической жизни можно было бы, как доказывалось в записке, гораздо полнее и продуктивнее использовать богатейшие природные ресурсы полуострова. Лангсдорф, часто с цифрами в руках, доказывал, что вполне реально снабжать камчатской сельдью Сибирь вплоть до Иркутска, получать хорошие урожаи картофеля и овощей, успешно заниматься животноводством, в частности, оленеводством, добывать много дичи и пушнины, бить китов, использовать обилие разнообразных лесных ягод, собирать яйца морских птиц, заготавливать первоклассную древесину. Ученый, использовав материалы местной администрации, указал, сколько и каких товаров необходимо доставлять на Камчатку, привел стоимость каждой их меры (ящика, пуда, ведра, штофа, штуки, аршина, дюжины, пары), общую стоимость каждого вида товара и всей массы ввоза. Эта калькуляция касалась 74 видов товаров, от чая и муки до ложек, сапог, бумаги, различных тканей. А всего в списке содержалась информация о 98 видах товаров, в том числе земледельческом инвентаре, ремесленных инструментах, лекарствах и многом другом. Особое внимание было обращено на крайне нужные тогда на полуострове порох и соль.

В рукописи часто и в разной связи упоминалась «гавань Св. Петра и Св. Павла». Не называя ее, как и раньше, главным городом Камчатки, Лангсдорф, по сути, приводил читателя к мысли, что это именно так.

«*Из съедобных рыб* я хочу перечислить только те, которые встречаются в большом количестве в гавани Св. Петра и Св. Павла и кругом. Из различных осетровых: кижуч, гольцы, гольчик, корюха, хайко, чавыча, кумжа, микыж, красная рыба, горбуша, кроме множества других рыб, особенно сельди и трески», — писал ученый [16]. Это из Петропавловска он предлагал транспортировать боченки с засоленной сельдью в Охотск и везти их далее до Якутска и Иркутска. «Так много о селедках, а теперь несколько слов о треске, — читаем мы далее. — Эти рыбы в совершенно необыкновенном количестве имеются в гавани Св. Петра и Св. Павла, и надо быть таким невежественным, как камчатские офицеры и солдаты, чтобы сразу не вспомнить о большой торговле треской и рыбьим жиром, которая является основным занятием на Лабрадоре, Ньюфаундленде, в Исландии и на северном берегу Великобритании» [17]. Петропавловск должен был стать, по мысли Лангсдорфа, центром и другого перспективного промысла: «Одна только охота на китов могла бы составлять важный источник питания, и так как камчадалы сейчас совершенно отвыкли от моря, то, может быть, было бы полезнее всего, по крайней мере для гавани Св. Петра и Св. Павла и окрестных мест, если бы по дружескому приглашению и благодаря предупредительному, гостеприимному обхождению было бы возможно переселить на Камчатку одну или несколько алеутских семей», — замечал он [18]. Встречается и такое предложение: «Было

бы немалым достижением для страны, если бы глиняные тарелки, блюда, посуда для питья и варки изготовлялись бы на месте. И насколько несомненно то, что по соседству с гаванью Св. Петра и Св. Павла, а именно в бухте Дарья и у горячих ручьев Паратунка, была бы найдена хорошая, а в последнем месте особенно чистая, белая глина, настолько несомненен был бы успех знатока, занятого изготовлением товаров из этой глины. Недостаток знаний, необходимых для того, чтобы обычную глину очистить и должным образом ее обжечь, и особенно леность солдат и царящий среди них беспорядок являются причиной того, что при всем изобилии прекрасной глины нет даже плохих кирпичей для построек или починки печей в гавани Св. Петра и Св. Павла» [19]. Кирпичи были в Петропавловске очень нужны, к примеру, для строительства там отсутствовавшей тогда церкви, о чем Лангсдорф тоже упоминал и корил власти, располагавшие немалым числом нередко праздных солдат, за такую нераспорядительность [20].

Из текста записки ясно, что все значимые морские торгово-транспортные операции должны осуществляться не иначе как через Петропавловск. «...Если бы ...правительству было угодно для блага подданных даже заложить одну или несколько градирен, то соль в большом избытке и с прибылью можно было бы перевозить на Алеутские острова, Кадьяк и в Америку или начать засолку большого количества рыбы. В любом случае прибыль составляла бы многие тысячи рублей» [21]. И

ниже: «Содержание нескольких добрых матросов, особенно в гавани Св. Петра и Павла, приносило бы огромную пользу. Впоследствии я даже отважился бы содержать маленькое, надежное и ходкое судно вместимостью от 15 до 20 тонн, только для употребления на Камчатке, чтобы, например, иметь возможность безопасно посетить остров Беринга, близкие Алеутские острова и особенно южные Курильские острова и привезти оттуда нужные и полезные для Камчатки товары. Я не могу удержаться и не дать здесь только указание на *Уруп (Игир)*; многие дельные русские, среди них *(Василий Иванович Шелихов)*, брат того известного Шелихова, и другие, которые 6-8 лет жили на этом острове, утверждают, что там хорошая гавань, жизненные средства в изобилии, а климат такой мягкий, что возделывание хлеба там будет давать, без всякого сомнения, ежегодно богатую прибыль» [22].

Петропавловск являлся, по мнению Лангсдорфа, наиболее подходящим портом для связи Камчатки с Европейской Россией: «Без сомнения также, что как нужных людей, так и необходимое для нужд [населения] *легче, надежнее, дешевле и выгоднее* доставить из Европы на Камчатку водой, чем сушей. *Легче*, так как даже такие многочисленные караваны из Якутска в Охотск не могут так много доставить сюда на своих лошадях, как одно-единственное хорошее судно... *Надежнее* является водная связь большого океана, так как товары часто приходят поврежденными и испорченны-

ми в Охотск и риск морской поездки на плохих судах и под командой невежественных или нерадивых рулевых гораздо более велик, чем на хорошем судне с умным и опытным предводителем из Европы водой» [23]. Дешевле и выгоднее, по подсчетам ученого, было бы, например, доставить камчатский флот с европейских верфей, чем строить его в Охотске: корабль водоизмещением в 200 тонн, стоивший там 60-70 тыс. руб., обошелся бы в 15-20 тыс. Для доказательства этого Лангсдорф предлагал осуществить такую операцию лично [24].

В Красноярске и Томске Лангсдорф не задерживался, а вот в Тобольске, куда путешественник прибыл 11 декабря, ему пришлось снова делиться своими камчатскими впечатлениями, но теперь уже в беседах с генерал-губернатором иркутским, тобольским и томским И. Б. Пестелем (отцом будущего декабриста). Последний задержал у себя Лангсдорфа почти на два с половиной месяца, до 22 февраля 1808 г. И не случайно. Камчатка входила в ведение Пестеля, а он там ни разу не был. Впрочем, не знал генерал-губернатор и Сибири. Он был назначен на свой пост только в марте 1806 г. и спустя три месяца прибыл в Иркутск. Помимо Томска и Тобольска Пестель посетил лишь Кяхту, Нерчинск, Колыванские рудники и был совершенно не готов к своей новой роли. До назначения в Сибирь Пестель был 17 лет связан с почтовым ведомством, дослужившись, как и его отец Б. В. Пестель, до должности московского почт-директора. Затем, уже при Алексан-

дре I, было кратковременное пребывание в московском и апелляционном департаментах Сената, участие в ревизиях Вятской и Казанской губерний, покровительство А. А. Аракчеева.

Пестелю было за сорок. Он был деятелен, честен, не раз показывал свое отвращение к царившим в чиновничьей среде взяточничеству и лени. Его боялись. Однако эти качества в значительной мере обесценивались непростым характером генерал-губернатора. Иван Борисович отличался крайним себялюбием, желчностью, склонностью к произволу. Он нередко потворствовал своим любимцам, но неумолимо и мстительно преследовал тех, кто чем-либо его прогневал. Последовательность в действиях тоже была ему свойственна далеко не всегда. Так, он отдал под суд за служебные преступления тобольского губернатора Б. А. Гермеса и томского губернатора В. С. Хвостова, но пригласил в Иркутск на ту же должность бывшего смоленского вице-губернатора Н. И. Трескина, который часто ставил свои мнения и желания выше закона.

Вскоре по прибытии в Сибирь Пестель запросил разрешения вернуться в Петербург с проектом изменения своей служебной инструкции. К этому его подтолкнули также противоречия с генерал-лейтенантом Г. И. Глазенапом, командовавшим расквартированными в Сибири войсками. Хотя правительство в этой просьбе отказало, Пестель рассчитывал ее возобновить. В любом случае подробные и свежие сведения о дале-

кой Камчатке были для него весьма полезны. Суть информации Лангсдорфа, конечно, соответствовала содержанию записки, отправленной Румянцеву. В письмах министру из Тобольска он упоминал, что начал работать над проектом реформ на Камчатке [25].

Из Тобольска же Лангсдорф написал в Петербург и своим товарищам по плаванию на «Надежде» лейпцигскому натуралисту Вильгельму Готлибу Тилезиусу фон Тиленау и швейцарскому астроному Иоганну Каспару Горнеру. Последний переписывался с Крузенштерном, который жил тогда в Ревеле, и 14 марта 1808 г. сообщил ему о скором прибытии Георга Генриха. Ждали Лангсдорфа и в Петербургской Академии наук. Один из директоров Российско-американской компании Б. Кремер еще в начале 1808 г. известил ее, что путешественник выехал из Иркутска с «шестнадцатью возами».

8 марта Лангсдорф приехал в Москву. Здесь он также нашел внимательных слушателей, которым увлеченно рассказывал о Камчатке и Сибири. Среди них были, например, попечитель Московского университета А. К. Разумовский и известный естествоиспытатель Готхельф Фишер фон Вальдгейм. Последний не без удивления упомянул в своем дневнике, что Лангсдорф привез в Москву двух камчатских собак [26].

Последующие письма Горнера, гостеприимно приютившего Лангсдорфа в российской столице, бывшему капитану «Надежды» содержат чрезвычайно интересные сведения по интересующим нас вопросам,

разъясняют и подтверждают многое из того, о чем упоминалось выше. «В понедельник 16 марта к обеду, — писал Горнер Крузенштерну два дня спустя, — прибыл ко мне доктор Лангсдорф с двумя кибитками, нагруженными 16-ю большими и маленькими ящиками (не с шестнадцатью возами). С ним был один казак и две большие камчатские собаки. Вчера я проводил его к Румянцеву, который чрезвычайно неожиданно (ведь здешние министры малодоступны для людей без протекции и чина) сразу же пригласил его к себе и очень вежливо принял. О материальных делах Лангсдорфа там не было речи. Теперь посмотрим, что Румянцев сделает для него. Я думаю, что Лангсдорф заслужил хорошую пенсию, как Тилезиус или я. Кроме того, Лангсдорф уже три года не получал жалования... В одном из следующих писем... он сообщит вам о большом плане, который разработал для улучшения положения на Камчатке и который хорошо рекомендует генерал-губернатор Сибири Пестель, так что маленький Лангсдорф еще станет знаменитым губернатором. Идея его улучшений, — продолжал Горнер, — сводится к выводу с Камчатки войск и насаждению там казачества, ежегодному снабжению полуострова не по суше, а вокруг Горна, перенесению торговой столицы из Охотска в Большерецк или Петропавловск. В прошлую зиму Лангсдорф много путешествовал по Камчатке и пришел к выводу, что климат к западу гор лучше, чем на восточной стороне... Он доказывает, что разведение оленей так, как оно

поставлено у коряков, наряду со скотоводством, которое хорошо развивается даже при не очень тщательном уходе за животными, смогут в изобилии кормить Камчатку. Соль и стрелковый порох составляют важнейшие потребности... Вы, как старый любитель Камчатки, с удовольствием увидите, что кто-то находит дорогу и старается помочь столь достопримечательной стране. Пестель обещал сделать все от него зависящее для вывода солдат, поскольку военный чин на Камчатке не нужен, Пестель хочет, чтобы в качестве губернатора туда поехал Лангсдорф, а с ним немецкие ученые и ремесленники, строители мельниц, мастера по производству кирпича, солевары и т.д. По сравнению с этой идеей моя астрономическая игра ничтожна, — сетовал Горнер. — Лангсдорфа хочет заполучить Академия, отец зовет его к себе, но я побуждаю его к тому, чтобы полностью посвятить себя возможности принести пользу многим тысячам людей (ведь и при самом несовершенном исполнении это наверняка принесет пользу). Я не знаю ничего, что могло бы быть более высоким и желательным для благородного человека, чем такое назначение. Таких чувств не испытывают, конечно, Р[умян]цевы, Р[еза]новы и другие, имя которых начинается на «Р», - скептически резюмировал астроном [27].

Из письма Горнера Крузенштерну от 21 марта совершенно ясно, что, согласно проекту Лангсдорфа, столицей Камчатки должен был стать именно Петропавловск: «Левенштерн написал мне из Архангельска,

он много работает. Лангсдорф написал ему по моему совету с тем, чтобы выяснить, не сможет ли он, если камчатский проект осуществится, взять на себя руководство флотом в Авачинской бухте и перегон туда судов» [28]. Спустя две недели после приезда в Петербург, ученый не исключал, что может связать свою дальнейшую судьбу с далеким полуостровом. «Мое теперешнее положение и будущее назначение весьма неопределенны, — сообщал он Крузенштерну, — родственники зовут меня в Германию, многие — в Академию, другие — в Москву, генерал-губернатор Сибири — на Камчатку. Я буду ждать, что сделает для меня Румянцев, и это приведет меня к дальнейшему решению» [29]. Но так или иначе ученого продолжали волновать камчатские дела, и он пытался на них влиять. 1 апреля Горнер упоминал в письме Крузенштерну: «Лангсдорф знает, что имперские власти распределили соль таким образом, что камчадалы ничего не получили. Об этом он хочет с завтрашней почтой писать Пестелю. Не останется ли его рапорт в тамошних архивах? Кошелев, по его мнению, в июне или июле будет в Иркутске, куда ему можно будет написать» [30].

Чтобы представить записку Лангсдорфа Александру I, ее нужно было перевести на французским язык. Для этого в первой половине апреля 1808 г. она была передана историку и археологу академику Ф. И. Кругу, но тот предложил сначала улучшить ее стиль. В конце концов записка все же попала к Александру I. Это мож-

но утверждать со всей определенностью, поскольку в 1826 г. она была обнаружена в кабинете покойного императора в Зимнем дворце [31].

Получить высокую должность на Камчатке Лангсдорфу было не суждено. Вопреки мнению Горнера, главный государственный пост на полуострове, конечно, не мог занять штатский человек, от Пестеля при подобном назначении зависело далеко не все, наконец, Камчатка, благодаря усилиям самого ученого, оказалась накануне административной реформы, и установления, определявшие управление ею, должны были измениться. Лангсдорф же в июле 1808 г., благодаря ходатайству Румянцева, был принят в Академию наук адъюнктом по ботанике.

Впрочем, для осуществления своих идей о преобразованиях на Камчатке ученому имело больший смысл находиться не в Петропавловске, а в Петербурге. Тем более, что став объектом заинтересованного внимания сначала Пестеля, а затем Румянцева и Александра I, идеи его получили реальный шанс реализоваться. Побывав в сентябре 1808 - июне 1809 г. в Оренбурге, а затем на родине, Лангсдорф, которого стали называть в России Григорием Ивановичем, больше из Петербурга не отлучался и уделял много времени занятиям наукой. Его авторитет в ученых кругах был тогда уже весьма значителен. Как уже упоминалось, путешественник являлся членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, в 1798 и 1808 гг. был избран со-

ответственно членом геттингенских Физического и Научного обществ, в 1808 г. — членом-корреспондентом Баварской Академии наук в Мюнхене и почетным членом Метеорологического общества во Франкфурте-на-Майне. С 1805 г. в Гейдельбергском университете для него сохранялось место профессора естественной истории.

Вскоре после встречи с Лангсдорфом Пестель все же получил разрешение покинуть Сибирь. С тех пор он управлял ею из столицы, а влияние Н. И. Трескина значительно возросло.

Император принял Пестеля милостиво и даже разрешил обращаться к нему по делам службы, минуя каких-либо посредников. Генерал-губернатор часто бывал на обедах у Александра I и на вечерних собраниях у императрицы Елизаветы Алексеевны, куда приглашали очень немногих приближенных.

Используя свое новое положение, Пестель обратился к императору с письмом о необходимости реформ на далеком полуострове и приложил к нему обширную, почти в сто страниц, рукопись под заголовком «Историческая записка о Камчатке, о всех переменах управления ея и о настоящем ея состоянии, со времени нахождения там батальона на ландмилицком положении [32]. Ни письмо, ни записка не были датированы, однако содержание последней и один косвенный источник [33] позволяют отнести их появление к апрелю-маю 1809 г.

Происхождение «Исторической записки...» не-

сложно определить, если сравнить ее с «Изъяснением политического положения Камчатки...» Лангсдорфа. К примеру, Пестель писал, что содержание войск на Камчатке и Удском остроге на берегу Охотского моря обходится казне ежегодно в 200 тыс. руб. и более, и «Камчатка разорена уже едва ли не до основания», а у Лангсдорфа читаем: «Следует без обиняков сказать: прибытие военных на Камчатку привело страну к упадку во всех отношениях - физическому и моральному...» [34]. Генерал-губернатор отметил, что перевозка по Камчатке провианта для солдат стоит больших издержек, а ученый утверждал: «Эти зимние караваны или доставка провианта создают в стране самые большие из всех мыслимых трудностей» [35]. Пестель констатировал, что снабжение солдат отвлекает камчадалов от их занятий, и они остаются на зиму без припасов; разъезды солдат, их торговля крайне обременительны для камчадалов; они расчищают снег, прокладывают дороги зимой, их собаки дохнут от голода [36]. В «Изъяснении...» находим: «Каждодневные повинности, прохождение войск, проезжие как чума, перевоз провианта, перевод офицеров и солдат с их женами и детьми из одного места в другое, духовенство, провиант-комиссары, исправники, генералы и адъютанты и Бог знает кто и что еще. Все больше должны были эти добрые люди отвлекаться от своих дел... У местных жителей, таким образом, нет собственности, нет пищи, одежды, нет собак, чтобы заниматься своими делами... Да, нередко случалось, что

камчадалы делились своей последней рыбой и потом сами терпели нужду, и их собственные собаки подыхали от голода, в то время как солдатских собак хорошо кормили» [37]. Автор «Исторической записки...» приходил к выводу: «Одним словом, солдат в Камчатке есть совершенный господин, который не знает никаких обязанностей к обществу, не несет ни службы, ни повинности какой-либо; работает для себя собственно; обеспечен со стороны содержания казной, и которому, кроме его начальника, все прочие повинуются и раболепно служат» [38]. А вот мнение по этому поводу гостя, которого он принимал в Тобольске: «Закон говорит нам определенно, что солдат свободен от всякой службы и без особой оплаты не может быть принужден к какой-либо работе. Но если, исключая некоторые сторожевые посты, на Камчатке вообще нет никакой военной службы, я спрашиваю: нужны ли там такие бездельники?... Польза от солдат для полуострова очень мала, а вред необозрим. Каждый солдат и каждый русский позволяет себе проявлять беззаконные действия по отношению к камчадалам, считая себя выше их, и угнетает их во всех отношениях с самого рождения. Солдаты - господа, и камчадалы, хотя равным образом являются верноподданными, угнетаются первыми только как рабы этой страны» [39]. Пестель считал необходимым расформировать батальон, не способных к продолжению службы предлагал оставить на Камчатке как «военно-поселян», а из остальных укомплектовать артиллерийскую

и казачью команды [40]. Предложения Лангсдорфа, как упоминалось выше, были аналогичными, но, конечно, лишенными аракчеевского военнопоселенческого характера [41].

Сделанное сопоставление показывает, что в Тобольске Лангсдорф не ограничился только устным изложением своих впечатлений и предложений, а оставил и копию своей записки. А записка Пестеля, в свою очередь, послужила толчком к правительственному рассмотрению проблемы реформ на полуострове.

А. С. Сгибнев в своем известном «Историческом очерке главнейших событий в Камчатке» предлагает другой вариант развития событий. В 1799-1800 гг., после введения на Камчатку полка (переименованного затем в батальон) под командованием полковника А. А. Сомова там началась эпидемия венерических болезней («сомовское поветрие»), унесшая тысячи жизней [42]. С тех пор притушить ее не удавалось. Для лечения больных на полуостров был командирован доктор Шпер. В сентябре 1808 г. он прибыл в Нижнекамчатск, а в декабре отправился в поездку по местным селениям. Шперу хватило и нескольких недель, чтобы убедиться в бесполезности своих усилий: помимо сифилиса население страдало от множества других болезней, голодало, обитало в сырых жилищах, было разбросано по огромной территории. О своих впечатлениях доктор написал министру внутренних дел А. Б. Куракину и, не дожидаясь реакции из Петербурга, выехал в Иркутск. Куракин, недовольный своеволием Шпера, без разре-

ценния покинувшего Камчатку, распорядился оставить его на службе в Иркутске. Там доктор общался с Трескиным и, в частности, писал ему, что одними медицинскими мерами успеха в борьбе с эпидемией не добиться и необходимо вывести с Камчатки солдат, которые способствуют обнищанию камчадалов и вообще там не нужны. Иркутский губернатор заинтересовался этим предложением и отправил донесение с приложением соответствующей записки Пестелю в Петербург. По мнению Сгибнева, эти материалы Трескина, препровожденные Пестелем Аракчееву и переданные последним в сентябре 1809 г. в кабинет министров, положили начало переменам на полуострове [43].

Приведенная версия не согласуется, однако, с реальными обстоятельствами и не подтверждается документально. Во-первых, Александру I была адресована записка именно Пестеля. Во-вторых, на ее содержание оказало влияние ничто иное, как рукопись Лангсдорфа, попавшая в руки генерал-губернатора значительно раньше, чем бумаги Трескина дошли до Петербурга. Ведь Шпер, как и ранее Лангсдорф, мог добраться до Иркутска не ранее августа 1809 г. (маршрут-то их был одинаковым!). Трескин же послал свои соображения в Петербург еще через какое-то время, так что они могли стать известны Пестелю в конце 1809 - начале 1810 г., когда его записка была уже давно представлена императору. В-третьих, ныне есть возможность документировать совсем другую последовательность фактов.

Вместе с тем следует отметить, что заимствуя из записки Лангсдорфа оценки ситуации на Камчатке и предложения возможных реформ, Пестель использовал фактические, в частности, цифровые, данные из архивов иркутской администрации, известные, разумеется и Трескину. Так, в записках Пестеля и иркутского губернатора мы находим одинаковую сумму расходов на содержание камчатского батальона в течение десяти лет или ту же численность лошадей, павших в 1808 г. при транспортировке якутскими караванами грузов (главным образом провианта для солдат) из Иркутска в Охотск [44]. Вообще идея упразднить пресловутый батальон носилась в воздухе. Того же мнения, например, был и возвратившийся в августе 1806 г. из кругосветного плавания Крузенштерн [45].

Записка Пестеля была, вероятно, встречена императором с интересом. Уже в сентябре 1809 г. генерал-губернатор был уполномочен присутствовать при рассмотрении сибирских дел в пятом департаменте Сената и его петербургском общем собрании. В ноябре Пестелю были пожалованы на 12 лет доходы от деревни в Гродненской губернии. А его записка тем временем поступила для рассмотрения в департамент государственной экономии Государственного совета. Во главе этого департамента находился в то время один из выдающихся российских государственных деятелей, человек независимого образа мыслей и прогрессивных взглядов адмирал Н. С. Мордвинов.

По рекомендации Мордвинова Государственный совет 14 июля 1810 г. принял решение поручить вице-адмиралу Г. А. Сарычеву, капитану I ранга И. Ф. Крузенштерну и «бывшему с сим последним при путешествии его профессору Лангсдорфу представить виды свои на сей предмет, для чего из чиновников сих составить особый комитет». При этом было указано, что последний может через санкт-петербургского военного губернатора запрашивать сведения от «находящегося здесь генерал-майора Кошелева, который, был несколько времени главным начальником в Камчатке, имел случай лично обозреть весь сей полуостров» [46]. Подписал это решение граф Румянцев.

В упомянутом документе много примечательного. «Особый комитет» формально не имел председателя, в ею состав не был включен Пестель, примыкавший к аракчеевской правительственной группировке, зато помимо Крузенштерна и Лангсдорфа, которые тогда из известных правительству лиц последними побывали на Камчатке, там оказался Сарычев. И вполне обоснованно. Участвуя в 1785-1794 гг. в экспедиции под начальством И. И. Биллингса, он исследовал полуостров и стал убежденным сторонником его всестороннего развития. В описании своего путешествия Сарычев предсказывал: «По пространству Авачинской губы с побочными ея заливами может в ней стоять на якорях спокойно многочисленный флот. Жаль, что эта превосходная, от натуры устроенная гавань находится в таких

отдаленных морях, где нет Российского флоту и через то остается без пользы. Но может статься, со временем будет она важнейшею и нужною пристанью, когда купечество наше обратит внимание на выгоды торговли с Китаем, Японией и прочими Ост-Индскими селениями и распространит мореплавание по здешним морям. Тогда Авачинская губа будет главным сборищем судов, отправляемых как за промыслами на острова и в Америку, так и для торгу в Ост-Индию: ибо на здешних морях, по всем берегам, принадлежащим России, нет удобнее и безопаснее сего места для пристани судам; почему и магазейны для складки товаров должны построены быть здесь ... Сверх всех выгод, произойти могущих от сей торговли, — продолжал мореплаватель, — если б еще размножены были колонии в Камчатке, распространено хлебопашество, распложен скот и учреждены разные фабрики, то со временем страна сия сделалась бы страной изобилия, богатства и счастья. Климат здесь умеренный, земля плодородна и с избытком произращает все нужное для жизни» [47]. В феврале 1802 г. Сарычев, тогда капитан-командор, направил Мордвинову, бывшему в то время вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, донесение о выгодности снабжения Камчатки с помощью кругосветных плаваний и убыточности доставки грузов по суше до Охотска, а оттуда морем на полуостров [48].

Рекомендация членам комитета обращаться за справками и разъяснениями к П. И. Кошелеву показы-

вает явную антиаракчеевскую и антипестелевскую направленность этого консультативного органа. Дело в том, что Кошелев, отрешенный от своей должности в конце 1806 г. из-за ложных обвинений, которым Трескин дал ход, а Пестель и Аракчеев обеспечили правительственную поддержку, ожидал в Петербурге решения суда по своему делу [49]. Записка Пестеля содержала резкую критику экс-коменданта полуострова [50].

Упомянутый особый комитет вполне можно назвать «румянцевским». Николай Петрович достиг тогда апогея своей правительственной карьеры. В феврале 1808 г. он, сохранив пост министра коммерции, стал министром иностранных дел, в сентябре 1809 г. — канцлером империи, а в следующем году возглавил и Государственный совет, реорганизованный по замыслу статс-секретаря М. М. Сперанского и превратившийся в верховное законосовещательное учреждение страны.

28 октября 1810 г. Лангсдорф, как указано в его послужном списке, «подал план для поправления состояния Камчатки» [51]. Этот план пока обнаружить не удалось, но материалы о работе «румянцевского» комитета в нашем распоряжении. В его рекомендациях были использованы все основные предложения записки Лангсдорфа, касавшиеся расформирования батальона, доставки на полуостров пороха и свинца, строительства солеварен, закрытия верфи в Охотске и т.п. [52]. А вот относительно судьбы Петропавловска мы находим значительно больше определенности, чем в упо-

мянутой рукописи ученого. В городе-порте предлагалось «учредить главное местопребывание камчатского начальника», направлять только туда все суда с провиантом из Охотска, укрепить Петропавловск в военном отношении, то есть усилить там воинскую команду, сосредоточить всю имеющуюся артиллерию, построить две или три легкие канонерские лодки [53]. Комитет пришел к выводу, «что селение в Петропавловской гавани может дойти до цветущего состояния или посредством торговли Американской компании с Китаем, Калифорнией (Лангсдорф, видимо, рассказывал о ней, так как сопровождал туда Резанова весной 1806 г. — *Б.К.*) и Остиндскими селениями, или же, когда обстоятельства позволят (Россия тогда поддерживала континентальную блокаду Англии и находилась с ней в состоянии морской войны. — *Б.К.*) отправлением туда из Кронштадта через каждые два года транспортного судна». Отмечалось также, что в последнем случае предполагается уничтожить охотский порт [54].

11 декабря 1810 г. Сарычев, Крузенштерн и Лангсдорф подписали итоговую «Записку» со своими рекомендациями по реформированию Камчатки [55]. Этот документ был рассмотрен Сперанским, который изложил свои замечания в недатированной рукописи под заголовком «О дополнительных распоряжениях по устройству Камчатки». Предложения статс-секретаря имели целью сделать Петропавловск морскими воротами России на Дальнем Востоке. По мнению Сперанского, во

избежание «раздробления власти» «вся воинская часть в Камчатке должна быть подчинена морскому управлению», а функции начальника Петропавловской гавани и начальника Камчатки целесообразно сосредоточить в одних руках. Однако не следует чрезмерно военизировать управление полуостровом, а для этого важно теснее связать начальника Камчатки с гражданскими ведомствами, в частности, с иркутским губернским начальством. Главной военной силой в Петропавловске предстоит стать хорошо укомплектованному морскому экипажу, который «можно частично занимать и полицейскими функциями». Охотский порт, как полагал Сперанский, «следует редуцировать», но ликвидировать нельзя, так как «путь в Петропавловск всегда зависит от состояния морской войны» [56].

Казалось, что материалы «румянцевского» комитета могут быть незамедлительно использованы для официального утверждения реформ на Камчатке. Однако все оказалось сложнее. Вслед за взлетом государственной карьеры Румянцева последовала быстрая утрата им своего влияния на императора. С конца 1810 г. начала уходить в прошлое целая полоса российской жизни, ставшая ареной деятельности таких людей, как Румянцев, Мордвинов, Сперанский. На первый план начали выдвигаться чиновники-царедворцы, чуждые Румянцеву по взглядам: глава департамента военных дел Государственного совета А. А. Аракчеев, министр финансов Д. А. Гурьев, обер-гофмейстер Р. А. Коше-

лев, статс-секретарь К. В. Нессельроде, министр полиции А. Д. Балашов и другие. Стремление канцлера включить Россию в мировой контекст, его глобализм, имевший индустриально-капиталистические корни, приходили в противоречие с традиционализмом, духовным изоляционизмом, феодально-охранительными началами, исповедовавшимися его идейными противниками. Они обрушивали на Румянцева поверхностные обвинения во франкофильстве, серьезность которых, однако, в условиях невыгодного для России союза с Наполеоном и разорительной континентальной блокады, нельзя было недооценивать. Свою лепту в нападки на канцлера вносили и англоманы, такие как многолетний российский посол в Лондоне С. Р. Воронцов. Падение реального влияния Румянцева прослеживалось тогда в разных сферах [57]. Не стало исключением и камчатское дело.

Пестель, недовольный тем, что он не принимал участие в работе «румянцевского» комитета хлопотал о создании нового комитета. Помог ему в этом глава полицейского ведомства Балашов, активный противник Сперанского. 7 января 1811 г. Балашов сообщил Пестелю, что он возглавит новый комитет «для назначения мер к внутреннему устройству Камчатской области» и что император велел «покончить это дело в три недели» [58]. 11 января по высочайшему повелению был сформирован «Комитет для внутреннего устройства Камчатской, Охотской и Якутской областей» в составе пред-

седательствующего Пестеля, Сарычева, Крузенштерна, Лангсдорфа, а также лейтенанта Л. А. Гагемейстера [59]. Последний недавно побывал на Камчатке. В 1806 г. он принял от Ю. Ф. Лисянского командование «Невой», привел ее в Русскую Америку, в 1808 г. посетил Петропавловск и через Охотск и Иркутск возвратился в Петербург.

29 января 1811 г. Пестель сообщил Сперанскому о своем назначении председателем нового комитета и запросил у него материалы «румянцевского» комитета [60]. 6 февраля они были ему отосланы [61].

Первое заседание комитета под председательством Пестеля состоялось 14 февраля. На нем в ряду других была подтверждена одна из основных рекомендаций Сарычева, Крузенштерна и Лангсдорфа: Петропавловск должен стать административным, торговым и военным центром Камчатки [62]. На втором заседании 17 февраля решили, что соль можно завозить в Петропавловск как из Кронштадта, так и с Гавайских островов, а затем на небольших судах доставлять ее в другие части полуострова. В столицу Камчатки раз в два года кроме транспортного судна должно было приходить и военное, на котором планировалось посещать Курильские и Алеутские о-ва, а также Северную Америку «с тем, чтобы обозревать все живущие там подвластные России народы и получать достоверные сведения о их состоянии» [63].

Подчеркивалось, что это необходимо, в частности, из-за злоупотреблений, допускавшихся Российско-американской компанией. Выло поддержано пред-

ложение Лангсдорфа о строительстве в Петропавловске церкви [64]. Наконец, 21 февраля комитет собрался в последний раз. Было рекомендовано строить суда для Камчатки не в Охотске, а исключительно в Петербурге, за что ранее ратовал Лангсдорф. Предусматривалось сосредоточить в Петропавловске команду матросов и группу корабельных мастеров [65].

Протоколы или, как их называли, «Журналы» второго комитета были направлены Балашову, а он 6 апреля 1811 г. известил Сперанского, что обсуждение реформ на Камчатке завершено [66].

Решения обоих комитетов в основном совпали [67]. Между тем Пестель, не понимавший значение Петропавловска как столицы Камчатки и чувствовавший себя в одиночестве среди членов-единомышленников возглавлявшегося им комитета, был этим весьма раздосадован. Он составил обширную записку «Замечания сибирского генерал-губернатора на предложения по устройству Камчатской области» [68]. Идея превращения Петропавловска в морской порт российского и международного значения, неизбежно связанные с эти нововведения были ему решительно не по душе. «Теперь, когда дело сие после многих соображений и предложений особо учрежденных комитетов приведено уже к концу. Комитет, составленный из вышеозначенных чиновников, опять назначает умножение войск в Камчатке, управлению оным и вообще гражданскою частию морского чиновника, подобно тому как управля-

ется порт Охотский, — писал он. — Таким образом, вещь, бывшая предметом неоднократных суждений, оставляется в одном и том же положении, в каком была она прежде, ибо теперешними переменами комитета получает она другой вид только в названии, а не в существенном поправлении самой вещи... Последним заключением комитета предназначается иметь там такое же число нижних воинских чинов, какое состоит и ныне, но токмо вместо гарнизонных морских, в кои должны поступить и сии гарнизонные. Но внесение тех же людей в список под другими наименованиями доставит ли какую пользу? Казак или солдат, названный матросом, верно не получит познаний, соответственных новому званию» [69].

На защиту решений комитета от его председателя стал Сарычев. В рукописи «Возражения вице-адмирала Сарычева противу замечаний г-на сибирского генерал-губернатора», датированной 15 ноября 1811 г., тезисам Пестеля его оппонент противопоставил весомые контраргументы [70]. В результате всех перемен численность воинского контингента на Камчатке увеличится, заявлял Пестель. Да, соглашался Сарычев, было 166 чел., а станет 178, то есть возрастет на 12 чел., но этот контингент будет решительно отличаться от прежнего по своей структуре и задачам. Ведь речь идет о морской экипажной роте в 122 чел. в Петропавловске и конной казачьей команде в 56 чел. на весь полуостров. Морская экипажная рота вообще не нужна, писал

генерал-губернатор. Нет, она необходима для защиты Петропавловской гавани, парировал вице-адмирал, имея в виду будущее торговое и военно-политическое значение Авачинской губы. Флотскую экипажную роту не следует переводить из Охотска в Петропавловск, писал Пестель. Камчатка будет теперь снабжаться из Кронштадта. А небольшие суда должны быть переведены из Охотска в Петропавловск, чтобы развозить доставленные грузы по побережью полуострова и в тот же Охотск. Кто же будет плавать на этих судах, если роту оставить на прежнем месте (?), интересовался Сарычев.

Новый камчатский начальник и его помощник, назначенные из флотских чинов, не справятся с управлением полуостровом, так как будут в основном заняты морской экипажной ротой, да и по силам ли вообще столь серьезные административные функции молодым лейтенанту и мичману, сомневался генерал-губернатор. А как же раньше (с 1772 г.) полуостров находился в ведении лишь одного майора М. К. Бема и его помощника - объездного комиссара, которые справлялись с тем, чем ныне занимается целый штат чиновников, предложенный самим Пестелем, спрашивал вице-адмирал. Если перевести в Петропавловск флотскую экипажную роту из Охотска, то его гарнизон дойдет до 400 чел., констатировал Пестель. Ничего подобного, отвечал Сарычев. Речь идет о переводе 100 чел., так что в этом случае не в одном Петропавловске, а на всем полуострове будет 278 моряков и казаков.

Лошадь на Камчатке использовать нельзя «по причине тундренных и гористых мест», писал из петербургского кабинета о неведомом ему полуострове Пестель [71]. А потому и конные казаки будут там бесполезны. Во внутренних районах Камчатки сообщение может осуществляться только по воде, утверждал он. Я «объездил верхом на лошадях около 5 тысяч верст», отвечал Сарычев, знавший Камчатку не понаслышке. Лошадь на полуострове вполне применима, пожалуй, даже больше, чем в Сибири, пастбища там хорошие. Сообщение же водой возможно лишь между «Верхним и Нижним Камчатскими острогами» по реке Камчатке в однодревках и сопряжено «с великой опасностью по чрезвычайной быстрине и отмелей реки», а в других местах и вовсе неосуществимо [72].

Охотский порт стоит на очень удобном месте, писал Пестель, ни разу его не посещавший, и он должен быть сохранен во что бы то ни стало. Порт в Охотске расположен в очень невыгодном месте, но уничтожать его и не предполагается «по необходимости для сообщения Камчатки с Иркутском», замечал Сарычев [73]. Там следует иметь морскую судостроительную команду, одну экипажную морскую роту и 50 казаков.

Всего в охотском порту на февраль 1810 г. числится по штату 623 чел., а планируется оставить там 252, таким образом, оттуда булет выведен 371 чел., численность военных на Камчатке возрастет всего на 12 чел., подвел баланс вице-адмирал [74].

Был ли удовлетворен Пестель объяснениями Сарычева неизвестно. Во всяком случае его повторных возражений в письменной форме не обнаружено. Скорее всего дискуссия между генерал-губернатором и вице-адмиралом носила, так сказать, внутрикомитетский характер и не повлияла на рассмотрение дела в высших сферах, поскольку Балашов отправил «положение об устройстве Камчатки» Сперанскому еще 12 ноября, за три дня до появления ответов Сарычева [75].

17 ноября 1811 г. Пестель просил Балашова ускорить рассмотрение камчатского дела [76]. 23 ноября последний, со своей стороны, сообщил Сперанскому, что председатель комитета, «описывая затруднения в продовольствии войск в Камчатке находящихся, ходатайствует о скорейшем рассмотрении означенного положения» [77]. Письмо Пестеля министру полиции прилагалось. Дело теперь было за Государственным советом.

Между тем обстановка в России продолжала осложняться. Со всей необратимостью надвигалась война с Францией. Континентальная блокада, хотя и нередко нарушалась, продолжала создавать для страны неслыханные экономические трудности. Российская торговля была дезорганизована. Румянцев становился по-существу номинальной фигурой. Весьма шатким делалось и положение Сперанского. Александр I получал многочисленные доносы на своего ближайшего советника. Не последнюю роль в закулисной интриге, направленной против статс-секретаря, играл Балашов.

Все это не могло не затормозить решение вопроса о судьбе далекого полуострова. Наконец, 17 марта 1812 г. Сперанский был отправлен в отставку и сослан в Нижний Новгород. В ответ на это Мордвинов покинул Государственный совет и уехал в свою пензенскую деревню.

28 марта 1812 г. Пестель обратился по камчатскому делу к А. Н. Оленину. Художник, археолог, писатель, директор Публичной библиотеки, военный и государственный деятель, он в качестве статс-секретаря был уполномочен выполнять функции сосланного Сперанского. Скоро минет уже три года, как была подана моя записка о Камчатке, писал Пестель. Дело поступило в Государственный совет и после «трех особых комитетов, нарочно для сего учрежденных» (видимо, имелись в виду три заседания второго комитета) подано на высочайшее утверждение, резюмировал генерал-губернатор. Он продолжал оставаться в неведении относительно количества провианта для солдат, который следует доставить на Камчатку, и просил ускорить утверждение положения о полуострове [78].

Уже на следующий день Оленин ответил генерал-губернатору, что сообщил о его просьбе императору и тот распорядился «истребовать дело». Однако в бумагах Сперанского документов о Камчатке, ранее посланных ему, почему-то не оказалось. Они были вновь у министра полиции. Балашова сменил тогда С. К. Вязьмитинов. Оленин запросил дело у него и незамедлительно получил искомые документы [79]. Для темпов,

свойственных российской бюрократии, все это произошло невероятно быстро: в течение 29 марта 1812 г.

9 апреля 1812 г. положение «О преобразовании в Камчатке воинской и гражданской части, а также об улучшении состояния тамошних жителей и вообще тамошнего края» было в конце концов утверждено Александром I. Этот обширный документ включает 90 параграфов. Сравнивая его с запиской Лангсдорфа от 25 октября 1807 г., взглядами ученого на переустройство Камчатки, которые нашли отражение в письмах Горнера Крузенштерну от марта-апреля 1808 г., с «Запиской» и другими материалами первого, «румянцевского», комитета от июля-декабря 1810 г., с «Журналами» второго комитета от 14-21 февраля 1811 г., в обоих из которых Григорий Иванович принимал деятельное участие, нельзя не убедиться, что все основные рекомендации и идеи нашего героя были в официальном «Положении» учтены [80]. Заслуга Лангсдорфа, инициировавшего реформирование Камчаткой, не осталась не замеченной. Еще 30 октября 1811 г. он был награжден орденом Св. Анны 2 ст. [81]. 1 апреля 1812 г. Лангсдорф был избран экстраординарным членом Петербургской Академии наук, причем в основном за труды, посвященные природе и населению Камчатки [82].

Согласно «Положению» от 9 апреля 1812 г. Петропавловск должен был фактически стать столицей Камчатки. «Пребывание начальника Камчатки назначается впредь в Петропавловской гавани, — гласил § 37

«Положения». — Начальник Камчатки имеет определяем быть из морских чиновников... (§ 40); Оный начальник должен быть купно и ротный командир флотской экипажной роты в Петропавловске полагаемой (§ 41); в городе намечалось построить «казенные магазины», казармы, госпиталь и прочее, что начальник Камчатки «признает нужным и удобным по местным его соображениям» (§ 83)[83]. Значение Петропавловска как главного порта полуострова подтверждалось § 82, который гласил: «Отменив ход транспортных судов из Охотска в Нижнекамчатск, Большерецк и Тигильскую крепость, по неудобству и опасности пристаней сих мест, постановить, чтобы все транспорты, с провиантом и другими для Камчатки потребностями из Охотска отправляющиеся, приходили, кроме следующих в Ижигу, в одну Петропавловскую гавань»[84].

«Положение» устанавливало постоянную связь между двумя крайними портами крупнейшей империи мира: Петербургом (Кронштадтом) и Петропавловском. «Как доставление морем вокруг Кап-Горна или мыса Доброй Надежды нужных потребностей не только для Камчатки и Охотска обойдется по учиненным опытам и исчислениям несравненно дешевле (в 10 раз) сухопутного доставления через Якутск до Охотска, а оттуда морем до Камчатки: то когда восстановится по обстоятельствам безопасность мореплавания, отправлять из Кронштадта через каждые два года в Камчатку означенным путем транспортное судно со всеми нужными

припасами, посылая при том туда всякий раз и военный малый фрегат», - читаем мы в § 85 [85]. Этим в значительной мере занимались в дальнейшем участники русских кругосветных плаваний. Ось Петербург - Петропавловск-Камчатский и поныне определяет протяженность России и является показателем ее целостности.

Реформы на Камчатке рождались на рубеже двух эпох александровского царствования и принадлежали по своему духу, несмотря на все трудности и перипетии, сопутствовавшие их разработке, к первой из них, либеральной, румянцевской. Задержись подписание «Положения» буквально на несколько часов, и вопрос о нем мог быть отложен на годы, мог не решиться вовсе или решиться совсем иначе. В день подписания документа, 9 апреля, Александр I со свитой, в составе которой был и Румянцев, выехал в Вильно, на западную границу страны, где концентрировалась наполеоновская военная армада. А всего через два с небольшим месяца, 12 июня французская армия форсировала Неман. Началась эпопея 1812 г. Кто бы в то время вспомнил о Камчатке?

Далекий, таинственный и прекрасный полуостров на Дальнем Востоке сыграл большую роль в жизни Лангсдорфа. Собственно весь первый период его российской службы, 1804-1812 гг., может быть по справедливости назван камчатским. Он путешествовал по Камчатке пешком и на собаках, исследовал ее

долгие месяцы, доказывал необходимость реформ на полуострове в Иркутске, Тобольске, Москве, в петербургских гостиных и правительственных кабинетах, будучи адъюнктом Академии наук, обрабатывал камчатские материалы и писал на их основании свои труды.

В Петербурге Лангсдорф сделал для Камчатки все, что было в его силах. А неукротимая энергия и страсть к путешествиям, свойственная питомцу школы Блуменбаха, снова звали его в дорогу. Ученому не сиделось на берегах Невы, сбор естественнонаучных коллекций в окрестностях российской столицы не приносил удовлетворения. 12 сентября 1812 г. по рекомендации Румянцева он получил назначение российским генеральным консулом в Рио-де-Жанейро и спустя шестнадцать дней отбыл к новому месту службы.

Начался бразильский период жизни Лангсдорфа. Однако и в Южной Америке он остался верен себе: всемерно способствовал развитию русско-бразильской торговли, создал в своем поместье Мандиока, близ Рио-де-Жанейро, научный центр, пользовавшийся международной известностью, стал автором многочисленных проектов переустройства разных сфер жизни Бразилии, организовал и осуществил одну из крупнейших научных экспедиций в центральные районы этой страны. В мае 1828 г. в Амазонии, на берегах реки Журуэна он в результате тропической лихорадки потерял память. Время, которое ученый постоянно торопил, навсегда ос-

тановилось для него. В последние двадцать четыре года своей жизни Лангсдорф был не способен ни к какому умственному труду. Он жил в кругу своей семьи в Южной Германии, во Фрейбурге. Там ученый и умер в июне 1852 г.

Огромные бразильские естественнонаучные и этнографические коллекции Лангсдорфа хранятся в петербургских академических музеях и институтах. Они изучаются с 30-х годов прошлого века. Рукописное наследие путешественника, доставленное из Рио-де-Жанейро в Петербург, почти сто лет считалось утраченным, но в последние десятилетия и оно интенсивно исследуется, публикуется, вызывая все возрастающий интерес в научном мире. С 1990 г. эту работу координирует Международная ассоциация по изучению Лангсдорфа.

В Бразилии проекты и планы Лангсдорфа часто вступали в противоречие с реалиями этой тогда отсталой, рабовладельческой страны. В этих случаях он вспоминал, что его хлопоты о реформировании Камчатки оказались куда как результативнее. В тех условиях упомянутый контраст настраивал путешественника на грустные мысли. Так, в первой половине декабря 1827 г. Лангсдорф и его спутники направлялись из Куябы, столицы провинции Мато-Гросо, в городок Диамантино, откуда начинался речной путь в глубину амазонской селвы. Убедившись, что все его старания побудить местные власти реконструировать дорогу между этими

пунктами остались без внимания, ученый 11 декабря записал в своем дневнике: «Генерал-губернатор Сибири пригласил меня пожить продолжительное время в Тобольске и дать ему некоторые сведения о Камчатке и других отдаленных частях Сибири, о которых он мог получить от чиновников только одностороннюю информацию. Благодаря этому появились различные записки, а затем и изменения, содействовавшие развитию тех областей, благосостоянию их жителей и выгоде государства. Я думал, что в мои зрелые годы получу благодарность властей Бразилии за то, что обратил их внимание на важность улучшений, но ничего не последовало в ответ на все мои предложения» [86].

Нам представляется, что события почти двухвековой давности, о которых рассказывалось выше, могут найти отражение в реалиях жизни современного Петропавловска-Камчатского. Ведь его общественность с пиететом относится к истории своего города и края. Почему бы в дополнение ко дню города, связанного с появлением его имени 6(17) октября 1740 г., 9(21) апреля, день, когда в 1812 г. было подписано известное «Положение», не отмечать как день столицы Камчатки? Почему бы одной из улиц Петропавловска не дать имя Григория Ивановича Лангсдорфа? Это будет данью памяти знатоку, патриоту и другу Камчатки, человеку, который, по словам русского этнографа Г. Г. Манизера, не щадил себя ради «бескорыстной общечеловеческой работы познания природы и людей» [87].

Примечания

1. *Сгибнев А. С.* Резанов и Крузенштерн. Эпизод из первого кругосветного плавания русских //Древняя и Новая Россия, 1877. № 4. С. 385-392; *Илляшевич Л. В.* Иван Федорович Крузенштерн //Сборник морских статей и рассказов. Приложение к газете «Яхта». - 1877. - Ноябрь. С. 451-463; *Военский К. I*) Русское посольство в Японию в начале XIX века. (Посольство Резанова в Японию в 1803-1805 гг.) //Русская старина. 1895. Июль. С.123-141. Октябрь. 201-235; 2) Посольство Резанова в Японию в 1803-1805 гг. на судах первой русской кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна //Морской сборник. - 1919. № 4. С. 29-64; *Невский В. В.* Первое путешествие россиян вокруг света. [М] 1951. С. 151-154.
2. Журнал М. Ратманова, в путешествии Крузенштерна. С 1803 - доведен до 1 фев[раля] 1805 //ОР РНБ. Ф. № 1000. Собр. отд. пост. Оп. 2. № 1146. Л. 54.
3. Журнал М. Ратманова. В путешествие Крузенштерна с 1803 // РГАВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 149. Л. 33.
4. Это замечание связано с наблюдениями Г. А. Сарычева, сделанными в Большерецке в январе 1790 г.: «В это время, как были святки; то жители часто собирались на вечеринки, и женщины плясали по-русски хорошо, но удивлялись мы, как увидели, что танцевали польский и а-ла-грек довольно правильно. Музыку составляли трое скрипачей из казаков» //Путешествие флота капитана Сарычева по северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжении осьми лет, при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под началом флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год. Часть 1. - СПб. 1802. - С. 176.
5. Письмо Ф. Ромберга к друзьям. 16 августа 1804 г. Камчатка. Гавань Петра и Павла //ОР РНБ. Собрание А. А. Титова. № 791. Л. 38 об. Имеются в виду сражения, выигранные А. В. Суворовым: на р. Рымник (ныне Румыния) 11 сентября 1789 г.

во время русско-турецкой войны 1787-1791 гг. и на р. Треббия (Северная Италия) 17-19 июня 1799 г. во время Итальянского похода.

6. Дневник Е. Е. Левенштерна //Eesti Ajalooarhiiv (Tartu). F.1414. № 3. S. 1-4. 3(15), 9(21) июня, 21 июня (2 июля) 1804 г.
7. *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803,4,5 и 1806 гг. ... на корабле «Надежде» и «Неве». Ч.П. СПб. 1810. С. 243-244. В последнем издании этого труда И. Ф. Крузенштерна, вышедшем в 1976 г. в Дальневосточном книжном издательстве под редакцией А. И. Алексеева, этот текст опущен.
8. *Комиссаров Б. Н.* Григорий Иванович Лангсдорф. 1774-1852. Л. 1975.
9. *Крузенштерн И. Ф.* Ук. соч. Ч. 1. 1810. С. 257; Дневник Е. Е. Левенштерна. 3(15) августа 1804 г.
10. Выписка из письма Г. Лангсдорфа к академику Крафту о Камчатке // Технологический журнал. 1815. Т. II. Ч. II. С. 157-159.
11. Fernere Reisenachrichten von Hrn. D. Langsdorff an J. F. Blumenbach aus dem Petropalowshen Hafen auf Kamtschatka den 23 Aug. 1804 // Magazin fur den neuesten Zustand der Naturkunde. 1805. Bd. 10. S. 193-206.
12. Майков П. Румянцев Николай Петрович //Русский биографический словарь. Романова - Рясовский. Пгр. 1918. С. 495.
13. *Комиссаров Б. Н., Шафраповская Т. К.* Неизвестная рукопись академика Г. И. Лангсдорфа о Камчатке. (К 200-летию со дня рождения ученого) //Страны и народы Востока. Вып. XVII. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 3. М. 1975. С. 86-118.
14. Там же. С. 102.
15. Там же. С. 113-114.
16. Там же. С. 102-103.
17. Там же. С. 103, 105.
18. Там же. С. 105.
19. Там же. С. 107.
20. Там же. С.100-101.

21. Там же. С. 109.
22. Там же. С. 114.
23. Там же. С. 114-115.
24. Там же. С. 115.
25. *Комиссаров Б. Н.* Григорий Иванович Лангсдорф... С. 44.
26. Там же.
27. *Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К.* Ук. соч. С. 94-95; Комиссаров Б. Н. Григорий Иванович Лангсдорф... С. 45-46.
28. *Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К.* Ук. соч. С. 95.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же.
32. Дело о преобразовании в Камчатке воинской и гражданской части, также об улучшении состояния тамошних жителей и вообще тамошнего края //РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1810. Д. 29. Л. 1-95 об. Автор выражает признательность сотрудникам РГИА: С. И. Вареховой за указание на это дело, а Н. С. Крылову за помощь в его изучении. Отдельные сведения, содержащиеся в записке И. Б. Пестеля, использовал *С. Б. Окунь* в своей книге «Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае». - Л., 1935. - С. 127. Сравни: РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1810. Д. 29. Л. 40 об.- 42. Однако по данной им ссылке в РГИА его источник обнаружить не удалось.
33. Речь идет о письме И. Б. Пестеля статс-секретарю А. Н. Оленину от 28 марта 1812 г., в котором генерал-губернатор упоминал, что скоро минет три года, как он подал свою записку о Камчатке, а решение по существу поставленных в ней вопросов до сих не принято (РГИА. Ф. 1152. Оп.1. 1810. Д. 29. Л. 101-102 об.).
34. Там же. Л. I об.; *Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К.* Ук. соч. С. 98.
35. РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1810. Д. 29. Л. 20 об.; *Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К.* Ук. соч. С. 99.
36. РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1810. Д. 29. Л. 21-22.

37. *Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К.* Ук. соч. С. 100.
38. РГИА. Ф. 1152. Оп.1. 1810. Д. 29. Л. 38 об.
39. *Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К.* Ук. соч. С. 99-100; цитированная часть записки Г. И. Лангсдорфа представлена полностью лишь в ее рукописи: АВПРИ. Ф. Главный архив. 1-7. 1802. Д. I. П. 44. Л. 20-20 об.
40. РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1810. Д. 29. Л. 68-87 об.
41. *Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К.* Ук. соч. С. 101-102.
42. Любопытно, что сибирская писательница К. А. Авдеева, сестра известного издателя «Московского телеграфа» Н. А. Полевого, писала в своих воспоминаниях, что А. А. Сомов, ставший для Камчатки едва ли ни самой зловещей фигурой, «с успехом закончил» порученную ему там миссию (Авдеева К. Воспоминания об Иркутске //Отечественные записки. - 1848. - Т. 59. № 8. Отд. 8. - С. 127-128).
43. *Стибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке //Морской сборник. 1869. Т. 103. № 7. Неофициальный отдел. С. 71-74.
44. Сравни: РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1810. Д. 29. Л. 60-60 об. и Сгибнев А. Исторический очерк... //Морской сборник. 1869. Т.103. № 7. Неофициальный отдел. С. 73.
45. Сгибнев А. Исторический очерк... //Морской сборник. 1869. Т. 103. № 7. Неофициальный отдел. - С. 74.
46. РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1810. Д. 29. Л. 96 об. - 97.
47. Путешествие флота капитана Сарычева... Ч.1. - С. 185-186.
48. Копию этого донесения см.: РГИА. Ф. 1152. Оп.1. 1810. Д.29. Л. 122-125 об.
49. *Сгибнев А.* Исторический очерк... // Морской сборник. 1869. - Т.103. - № 7. Неофициальный отдел. С. 60-63.
50. РГИА. Ф. 1152. Оп.1. 1810. Д. 29. Л. 38 об., 40 об. - 42, 82 об.
51. АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Д. 1947. Л. 1-3.
52. РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1810. Д. 29. Л. 111-114.
53. Там же. Л. 108-109.
54. Там же. Л. 109 об. - 110.

55. Там же. Л. 163-174 об.
56. Там же. Л. 186-191.
57. См., например: *Комиссаров Б. Н.* Петербург - Рио-де-Жанейро. Становление отношений. 1808-1828. - Л., 1987. - С. 38-45.
58. РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1810. Д. 29. Л. 98-99.
59. *Сгибнев А.* Исторический очерк... //Морской сборник. - 1869. - Т.103. № 7. Неофициальный отдел. - С. 74; *Комиссаров Б. Н.* Григорий Иванович Лангсдорф... С. 49.
60. РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1810. Д. 29. Л. 98-99.
61. Там же. Л. 100-100 об.
62. «Журнал» заседания 14 февраля 1811 г. //Там же. Л. 131-144 об.
63. Там же. Л. 153 об.-154.
64. «Журнал» заседания 17 февраля 1811 г. //Там же. Л. 145-158.
65. «Журнал» заседания 21 февраля 1811 г. // Там же. Л. 159-162 об.
66. Там же. Л. 115.
67. См. «Опись дела о преобразовании Камчатки», в которой сравниваются рекомендации первого и второго комитетов // Там же. Л. 106-110.
68. Там же. Л. 192-205 об.
69. Там же. Л. 193 об. - 194 об.
70. Там же. Л. 206-211 об.
71. Там же. Л. 209 об.-210.
72. Там же.
73. Там же. Л. 211.
74. Там же. Л. 211 об.
75. Там же. Л. 181.
76. Там же. Л. 182-184.
77. Там же. Л. 181.
78. Там же. Л. 101-102 об.
79. Там же. Л. 103-105.
80. Сравни: ПСЗРИ. Т. XXXП. - СПб., 1830. - С. 282-292 и Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К. Ук. соч. С. 97-116; *Комисса-*

ров Б. Н. Григорий Иванович Лангсдорф... С. 44-47; РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1810. Д. 29. Л. 108-114, 163-174, 131-162 об.

81. АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Д. 1947. Л. 1-3.

82. *Комиссаров Б. Н.* Григорий Иванович Лангсдорф... С. 48-55. Ссылки на труды Г. И. Лангсдорфа о Камчатке см.: Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К. Ук. соч. С. 96, 117-118.

83. ПСЗРИ. Т. XXXП. СПб. 1830. С. 285, 290.

84. Там же. С. 290.

85. Там же. С. 291.

86. |Langsdorff G. V.| Abreise von Cuyaba den 4 Dec. 1827 // ПФА РАН. Ф. 63. Оп. 1. № 5. Л. 15.
Когда французский перевод записки Г. И. Лангсдорфа, обнаруженный в кабинете покойного Александра I в Зимнем дворце, был отослан в Сибирский комитет, то его члены на заседании 20 декабря 1826 г. отметили, что «проект сей, написанный Лангсдорфом в 1807 году, был уже частию принят в соображение при преобразовании Камчатки в 1892 году». (РГИА. Ф 1264. Оп. 1. № 164. Л.26).

87. *Манизер Г. Г.* Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821-1828). - М., 1948. - С. 40.

Список сокращений

АВПРИ - Архив внешней политики Российской империи (Москва).

ДЛС и ХД - Департамент личного состава и хозяйственных дел.

ОР РНБ - Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

ПСЗРИ - Полное собрание законов Российской империи.

ПФА РАН - Петербургский филиал Архива РАН.

РГАВМФ - Российский государственный архив Военно-морского Флота (Санкт-Петербург).

РГИА - Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

Комиссаров Б.Н., Шаркова И.С.,
Шафрановская Т.К.

Дневник Е.Е. Левенштерна. О пребывании участников первого русского кругосветного плавания на Камчатке в 1804-1805 годах.

Профессиональный моряк, офицер школы И.Ф. Крузенштерна, Герман Густав (Ермолай Ермолаевич) фон Левенштерн отдал русскому флоту около четверти века. Он родился в 1778 году в Ревеле. Пятнадцати лет, в 1793 году Левенштерн начал морскую службу, спустя три года был произведен в мичманы, плавал в Балтийском и Северном морях, побывал на Сицилии, в Неаполе, на острове Корфу, в Турции, крейсировал у берегов Африки. В 1801 году Левенштерн по болезни вышел в отставку, но в марте 1803 года вернулся на службу и принял участие в первом русском кругосветном плавании. В мае 1804 года он был произведен в лейтенанты. По возвращении в 1806 году из плавания Левенштерн стал капитан-лейтенантом, служил в Архангельске, затем на Черноморском флоте и вышел в отставку в январе 1816 года в чине капитана 2-го ранга. Известно, что в 1828 году он жил в Ревельском уезде Эстляндской губернии на своей мызе Расиик. Умер Левенштерн в 1836 году.

Дневник Левенштерна составляет четыре тетрали размером 19,3*29,3 см, в которых насчитывается 665

листов (с оборотом). Рукопись входит в состав личного архива «Крузенштерны», хранящегося в Государственном архиве Эстонии г. Тарту [1]. Левенштерн писал по-немецки и пользовался готическим письмом. Его почерк труден для чтения и весьма уборист. Содержание рукописи показывает, что это копия дневника с некоторыми комментариями, сделанными, очевидно, после выхода автора в отставку (см., запись от 28 мая (9 июня) 1805 года).

Дневник Левенштерна охватывает всю его службу, но большая часть рукописи посвящена кругосветному плаванию. Это, несомненно, наиболее подробный из всех известных ныне дневников участников путешествия на «Надежде» и «Неве». Левенштерн делал записи ежедневно, скрупулезно описывая все, что вызывало его интерес. «Я вел его только для себя», — замечал в своем дневнике мореплаватель. Он был также превосходным рисовальщиком. На страницах дневника более двухсот рисунков, выполненных акварелью и пером. С конца 70-х годов 19 века до конца 70-х годов 20 века в литературе встречались лишь упоминания о дневнике Левенштерна и использовались отдельные фрагменты этого источника [2]. Планомерное изучение дневника относится к началу 80-х годов [3].

«Надежда» под командованием Крузенштерна побывала на Камчатке трижды: впервые в 1804 году, с 3 (15) июля по 25 августа (6 сентября), и дважды в 1805 году, с 24 мая (5 июня) по 23 июня (5 июля) и с 19 (31)

августа по 23 сентября (5 октября). Камчатские записи Левенштерна составляют по современным подсчетам более четырех с половиной авторских листов. Особенность упомянутых страниц дневника в том, что Левенштерн уделял главное внимание отношениям между участниками плавания. Это касается, главным образом, записей, сделанных во время первого посещения Петропавловска. И далеко не случайно. Известно, что во время плавания на «Надежде» произошел острый конфликт между послом в Японию камергером Н.П. Резановым и И.Ф. Крузенштерном. Нечеткость данных тому и другому инструкций породила спор о праве на руководство первой русской кругосветной экспедицией. Резанов полагал, что таким начальником является он, а Крузенштерн как морской офицер, руководивший плаванием на кораблях «Надежда» и «Нева», и капитан первого из них, претензии камергера решительно отвергал. На «Надежде» сложились две противостоящие друг другу группы: офицеры во главе с Крузенштерном и Резанов с членами своего посольства и служащими Российско-американской компании [4]. По прибытии в Петропавловск отношения накалились настолько, что под угрозу было поставлено само продолжение плавания.

Левенштерн горячо сочувствовал Крузенштерну и полностью находился на его стороне. Через призму упомянутого конфликта, начавшегося еще осенью 1803 года, молодой моряк оценивал и своих спутников по плаванию, и лиц, с которыми познакомился в Петропавлов-

ске. Дневниковые записи Левенштерна непосредственны, откровенны. Нередко он дословно передает услышанные диалоги, что делает читателя дневника буквально свидетелем происходивших на «Надежде» и в Петропавловске событий. Мы находим живые зарисовки поведения и характеров И.Ф. Крузенштерна, офицеров «Надежды» М.И. Ратманова, Ф.И. Ромберга, П. Головачева, Ф.Ф. Беллинсгаузена, братьев Отто и Морица Коцебу, поручика Ф.И. Толстого (получившего позднее в литературных кругах прозвище «Американец»), а также Н.П. Резанова, членов его посольства Ф. Фоссе и Е. Фридерици, ученых-естествоиспытателей Г.И. Лангсдорфа и В. Г. Тилезиуса фон Тиленау, астронома И.-К. Горнера, докторов-медиков К. фон Эспенберга и Бринкена, художника С. Курляндцева, штурмана Ф. Каменьщикова, приказчика Российско-американской компании И.Ф. Шемелина. Многие из перечисленных лиц стали впоследствии выдающимися деятелями российского флота, отечественной и мировой науки.

В Петропавловске Резанов намеревался с помощью местного коменданта генерал-майора П.И. Кошелева арестовать Крузенштерна и других офицеров. «Вы разбойник, бунтовщик», — публично заявлял камергер капитану «Надежды» (запись от 30 июля 11 августа) 1804 года. Обеспокоенный перспективой отстранения Крузенштерна от командования «Надеждой», Левенштерн обратился к своему капитану, а также к морскому министру П.В.Чичагову с просьбой списать его с ко-

рабля. Коцелеву все же удалось добиться примирения конфликтующих сторон. Левенштерн детально описал этот процесс. Продолжение экспедиции и, в частности, плавание в Японию с посольством были обеспечены. Левенштерн привел содержание письма Резанова к Александру I, выдержанного в миролюбивых тонах и прочитанного послом офицерам «Надежды».

В дневнике есть также немало записей, касающихся жизни русского населения Камчатки и положения аборигенов. Представление об этом можно получить из ярко описанных сцен быта, пересказанных разговоров, наблюдений мореплавателя. «Бедность в высшей степени. В Петропавловской гавани живут только русские (военные). Из-за бедности они кроме жалования получают только половину своего пайка. Мясной пищи они совсем не видят. Рыбная ловля должна возместить все недостатки», — писал Левенштерн 3(15) июля 1804 года. А 9 (21) того же месяца автор дневника отметил: «Создается впечатление, что все здесь находятся под сильным угнетением. Камчатка во время последней ревизии была еще достаточно населенной. Но оспа и горячка унесли людей в таком количестве, что там, где обычно жило 100 человек, сейчас можно найти 5. И эти немногие должны платить ясак за всех умерших. В то время меха дешево оценивались казной, и бедные камчадалы платили свою подать деньгами. Сейчас расценку повысили, но осталась старая ревизская сказка, так что бедный камчадал совсем не может оси-

лить подати. Ни один солдат не выходит из дома, не взяв в сопровождающие камчадала. Почта, чтобы покрыть издержки, использует этих людей бесплатно. Если же перевозят из одного места в другое команду или багаж, то камчадалы должны носить тяжести — и все это бесплатно. Часто камчадал месяцами не видит свой очаг (дом, жену, ребенка), так как из-за недостатка жителей его все время используют. Рыбная ловля происходит в определенный период, если камчадал его пропускает, то он остается без пищи. Радость и наслаждение камчадала составляют собаки и стакан водки. За штоф водки он должен платить 50 рублей. Так изматывают последних камчадалов».

Во время второго посещения Камчатки Левенштерн застал там известных русских морских офицеров Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова, с которыми ранее встречался в разные периоды своей службы на флоте. Он описал жизнь своих друзей на Камчатке. Немало записей посвящено также П.И.Кошелеву, к которому автор дневника испытывал чувство искреннего уважения. Подробно освещает Левенштерн и подготовку Резанова к плаванию в Русскую Америку.

Записи, связанные с последним пребыванием «Надежды» в Петропавловске, во многом основаны на информации, приходившей из Русской Америки. Неудовлетворенный тем, что русское посольство не было принято в Нагасаки, Резанов, как известно, вынашивал планы мести негостеприимным японцам и хотел

использовать для этой цели Хвостова и Давыдова, отправившихся во владения Российско-американской компании. Обращают на себя внимание дневниковые строки от 8(20) сентября 1805 года: «Хвостов пишет Крузенштерну и выпрашивает карты Японии и Анивы. Резанов, несомненно, опять строит воздушные замки и хочет завоевать Сахалин и отомстить японцам». Рейд упомянутых офицеров к японскому побережью лишь крайне осложнил русско-японские отношения и привел впоследствии к знаменитому пленению В.М.Головнина.

Дошло до Ливенштерна и известие о сражении на Ситке между аборигенами и русским населением, поддержанным моряками с «Невы»6 «Судно из Ситки доставило известие на Кадьяк, что американцы не хотят добровольно идти под старое иго; все они скрылись в лесах и горах. Баранова ранили в руку, в Повалишина попали дробью, а унтер-штурмана Арбузова... и многих матросов ранили довольно тяжело. Русским пришлось бы бежать, если бы там не было «Невы»[5].

В дневнике есть немало и другой интересной информации. Например, о ценах на товары на Камчатке в разные периоды, о письмах Ф.И. Ромберга Н.М. Карамзину с описанием плаванья [6], о приеме П. И. Кошелева на «Надежде» 20 сентября (2 октября) 1805 года и бале в Петропавловске на следующий день, о положении на полуострове во времена предшественников Кошелева полковников Г.А. Козлова-Угренина и А.А. Сомова.

Дневник Е.Е. Левенштерна – новый и важный источник для изучения истории освоения российского Дальнего Востока и политики России в северной части Тихоокеанского региона, а так же, как показали проведенные исследования, истории и этнографии многих других районов мира. Его следует непременно опубликовать.

Примечания

1. Eesti Ajalooarhiiv (Tartu). F. 1414. №3. S 1-4.
2. *Илляшевич Л.* Иван Федорович Крузенштерн// Сборник морских статей и рассказов. Ежемесячное прибавление к морской газете «Яхта». - СПб.,1877. - ноябрь. - с.454; Невский В.В. Первое путешествие россиян вокруг света. –М.,1951. - с.152; Научные связи Прибалтики в XVIII-XIX веках.//Материалы VII Прибалтийской конференции по истории науки. – Рига,1968. - с.157; Комиссаров Б.Н. 1).Григорий Иванович Лангсдорф.1774-1852.- Л.,1975.-с.17-34; 2). Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века. –Л.,1977.- с.6-19.
3. *Шафрановская Т.К., Комиссаров Б.Н.* 1). Материалы по этнографии Полинезии в дневнике Е.Е.Левенштерна // Советская этнография.-1980.-№6.-с.99-106;2). Первые русские в Латинской Америке. (Страницы дневника Е.Е. Левенштерна//Латинская Америка.-1982.- №1.- с.137-152; 3). Айны на страницах дневника Е.Е. Левенштерна // Советская этнография.-1985.-№1.-с.80-87; *Комиссаров Б.Н., Шаркова И.С., Шафрановская Т.К.* Из дневника Е.Е. Левенштерна: русские моряки в Неаполитанском королевстве в 1799-1800 гг.//Кунсткамера. Этнографические тетради. - СПб.,1994.- Вып.4.- с.222-246.
4. *Сгибнев А.* Резанов и Крузенштерн. Эпизоды из первого кругосветного плавания русских //Древняя и новая Россия.-1877.-№4.- с.387-390; Илляшевич Л. ук. соч., с.451-463; Военский К. Русское посольство в Японию в начале XIX века. (Посольство Резанова в Японию в 1803-1805 гг.//Русская старина.-1895.-Июль.- с.123-141; Октябрь. - с.201-235; Посольство Резанова в Японию в 1803-1805 гг. на судах первой русской кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна//Морской сборник.-1919.- №1.-с.37-49 (предисловие Н. Кладо), с.50-71; №2.-с.25-43; №3 .- с.31-55; №4.- с.29-64 (приложение I-X).

5. Имеются в виду первый главный правитель русских поселений в Америке в 1790-1818 годах Александр Александрович Баранов и лейтенанты с «Невы» Петр Повалишин и Павел Арбузов.
6. Сообщение Ф.И. Ромберга Н.М. Карамзин публиковал.//Вестник Европы.-1803.- ч.12.- с.251-154.

Содержание

Б.Н. Комиссаров
Роль Г. И. Лангсдорфа в становлении Петропавловска как столицы Камчатки 5

Комиссаров Б.Н., Шаркова И.С., Шафрановская Т.К.
Дневник Е.Е. Левенштерна. О пребывании участников первого русского кругосветного плавания на Камчатке в 1804-1805 годах 61

Б. Н. Комиссаров.

Роль Г. И. Лангсдорфа в становлении Петропавловска как столицы Камчатки.

Редактор И. В. Витер
Корректор И. В. Володина
Техническое редактирование,
макет, верстка Т. Франгопулова

Сдано в набор 10.07.2000. Подписано в печать 15.08.2000. Формат 60x84/16. Бумага «светокопи» 80 гр/м^2. Печать ризо. Усл. печ. л. 4,18. Тираж 100 экз. Заказ № 2168.

Камчатская областная научная библиотека
им. С. П. Крашенинникова
Лиц. ЛР № 020919 от 12.10.94
683031, г. Петропавловск-Камчатский,
пр. Карла Маркса, 33/1

Отпечатано: «Оперативная Полиграфия»
Частный предприниматель Романенко М. И.
Лиц. ПД № 14-2 002305 от 14.07.2000 г.
683000, Петропавловск-Камчатский, ул. Ленинская, 46